

Н.К. ГАЛАБУРДА, к.э.н., доцент,
ДВНЗ «Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетьмана»
г. Киев, Украина
n_g2000@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УРОКИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Сформулированы и описаны основные методологические противоречия теории и практики постсоциалистического реформирования институциональной структуры общества. Выделены фундаментальные детерминанты и движущие силы основных этапов реформ. Определены концептуальные ограничения, сформулированы закономерности и выдвинуты гипотезы относительно прогнозируемого направления дальнейших реформ.

Ключевые слова: институциональная теория, корпоративное социальное страхование, методология, постсоциалистическая трансформация, политическое предпринимательство, распределительные коалиции.

Сформульовано та описано основні методологічні протиріччя теорії і практики постсоціалістичного реформування інституціональної структури суспільства. Виділено фундаментальні детермінанти і рушійні сили основних етапів реформ. Визначено концептуальні обмеження, сформульовані закономірності і висунуті гіпотези щодо прогнозованого напрямку подальших реформ.

Ключові слова: корпоративне соціальне страхування, методологія, постсоціалістична трансформація, політичне підприємництво, розподільні коаліції.

M. Galaburda

Institutional transformation. Methodological conclusions of post-socialist reform

There are described the basic methodological contradictions of the theory and practice of post-socialist reform of the institutional structure of society. There are highlighted the fundamental determinants and the factors of the main stages of reform. Conceptual limitations defined, patterns and hypotheses regarding the predicted directions for future reforms established.

Keywords: corporate social insurance, methodology, post-socialist transformation, political entrepreneurship, distributive coalitions.

Для экономической теории XX век важен как минимум несколькими эмпирическими фактами, способными в той или иной степени верифицировать или фальсифицировать

фундаментальные утверждения защитного пояса многих научно-исследовательских программ. Кроме Великой депрессии, которую принято считать эмпирической базой, определившей прикладное будущее кейнсианской традиции, таковой является череда трансформационных системных изменений в Российской империи и Восточной Европе, последовавших за октябрьским переворотом 1917 года и разделом сфер влияния после Второй Мировой войны, соответственно. Как ни парадоксально, но в основном течении экономической мысли (мэйнстриме) эти факты либо не получили никакого освещения вообще, либо в лучшем случае были отнесены к разряду исключений из общих правил.¹

Мировой кризис последних лет, называемый в академических кругах Великой рецессией, наглядно продемонстрировал как необходимость теоретического переосмысления концептуальных постулатов, гипотез, теорем и лемм, объясняющих принципы функционирования современной экономики, так и всю несостоятельность курса экономической политики, выработанной на основе теоретических положений, исключающих вышеизложенные факты.

Экономическая открытость большинства стран Восточной Европы, целевая ориентация стран постсоветского пространства на ускорение темпов включения в глобализационные процессы без надлежащей подготовки национальных производительных сил привели к усилению зависимости внутренних рынков от

¹ Если отсутствие аналитического внимания к проблемам постсоциалистического лагеря еще можно было бы обосновать локальностью проходящих в них изменений, то Великая депрессия общепризнано является мировым экономическим кризисом. В то же время, помимо множества разрозненных исследований, до сих пор отсутствует не только полнофункциональная позитивная экономическая теория кризиса, но и исчерпывающая онтологическая картина событий, развернувшихся в мире после октября 1929 года.

мировой конъюнктуры, ограничились методологические возможности прикладной реализации принципов национальной экономической политики в условиях трансформации системы общественных отношений.

Предостерегающие публикации конца 1990-х, начала 2000-х годов о формировании распределительных коалиций и связанных с этим опасностей сращения экономической и политической власти, монополизации рынков ресурсов и рынков сбыта, неадекватной теоретической интерпретации показателей СНС и многих других методологических aberrаций сменились публикациями идеологического обоснования прогнозов длительного бума, подкрепляемых оптимистичными сценариями статистических моделей. К сожалению, на фоне резкого усиления роли банковского сектора в формировании совокупного потребительского спроса, подобные предостережения остались не услышанными, заблуждения слишком глубокими, а успокоительные публикации слишком эмоциональными, чтобы увидеть глубину надвигающегося спада.

Сегодня, спустя 22 года после провозглашения независимости и 5 лет после начала «Великой рецессии», будущее Украины, как и большинства посткоммунистических стран, еще более мрачно, чем это было в начале трансформационных изменений. Перспективы на будущее туманны, а жизнь в новом капиталистическом мире для большинства населения оказалась еще страшнее, чем это рисовали ведущие советские идеологи времен холодной войны В. Зорин и А. Бовин в программе «Международная панорама».

Мы не будем останавливаться на описании и анализе используемого в многочисленных статьях и монографиях идеологического каркаса теорий перманентно отдаляющегося всплеска экономического роста, а попробуем сформулировать и описать основные методологические противоречия теории и практики реформ на этапе постсоциалистической трансформации.

По сути, экономическая трансформация характеризуется динамикой изменений сущностной и содержательной формы явлений и процессов в экономической жизни общества, преобразованиями структуры ее основных взаимосвязей и взаимозависимостей. Ключевой составляющей изучения процессов трансформации является исследование преобразований структуры общественных институтов, под которыми понимается система норм поведения

индивидов в обществе.² Институциональная среда определяет стабильность экономического выбора с помощью устойчивой системы ограничений, следовательно, она же и детерминирует стабильность³ взаимодействия в экономической, социальной и политической структуре обмена, – того взаимодействия, которое содействует появлению стойких соглашений. Таким образом, включение в анализ экономической трансформации процессов институциональных преобразований должно значительно расширить возможности объяснения кризисных явлений постсоциалистической экономики.

Формально институты и организации начального этапа трансформации очень схожи с институтами и организациями развитых капиталистических обществ, избранных в качестве образцов для установления целевых ориентиров рыночных реформ. Здесь также были домохозяйства, фирмы и государство, отношения производства, потребления, обмена и распределения. Присутствовали практически все важные инфраструктурные элементы, включая банки, страховые компании и даже рекламу. Однако разница форм проявления сущности и содержания у этих элементов была колоссальной.

Развал Советского Союза поставил суверенные общества перед выбором – выбором собственного пути развития и способа жизни будущих поколений. Поднявшийся перед советскими людьми занавес открывал вид на широкие возможности рыночных форм организации капиталистического способа хозяйствования. Фундаментальные институты рыночного капитализма – свобода, конкуренция и частная собственность формировали принципиально отличную систему стимулов у субъектов хозяйствования, координируя принятие экономических решений, определяя целевую направленность функций субъектов экономической деятельности на обеспечение благосостояния всего общества. Структуру производства и потребления определяли спрос и предложение на

² О сущности и формах институтов см. Галабурда Н.К. Методология институционализма: осознание категориального аппарата // Наукові праці ДонНТУ. Серія: економічна. – 2008 – Вип. 34-1. – С. 24-30

³ Под стабильностью, как правило, понимается наличие внутренних стимулов устойчивости равновесия системы, находящейся под воздействием экзогенных факторов.

конкурентных рынках, а не плановые органы. Банки выполняли функции распределения и ответственного обеспечения возврата заемных средств. Страховые компании распределяли риски, а не изымали запланированную часть средств домохозяйств и предприятий в бюджет высшего уровня. Свобода была не эфемерной «осознанной необходимостью», а вполне конкретной реализацией идей о возможностях выбора индивидов, не ограничивающих прав и свобод окружающих. Этот выбор касался места жительства, работы, структуры потребления товаров и услуг и т.п.

Безусловно, система отношений развитых капиталистических стран была значительно сложнее, чем описывающие их теоретические модели рыночного равновесия. Однако формирование этой системы было результатом скрупулёзного теоретического осмысления кризисных явлений, сопровождающих экономическое развитие капиталистических стран, выработки соответствующих такому осмыслению прикладных теорий и их практической реализации. Она не была лишена изъянов и не могла эффективно функционировать без слаженной структуры правовых и регуляторных институтов обеспечения правопорядка, защиты прав собственности, контрактных обязательств и т.п. элементов, устраняющих последствия всего того, что общепринято называть провалами рынка.

Постсоциалистические общества, ставшие на рыночный путь развития, вполне не обязательно должны были проходить через все тернии и катастрофы, которые некогда пережил западный мир. Что, в свою очередь, требовало разработки собственных теорий и прикладных моделей, адаптированных к условиям трансформации институциональной структуры социалистического способа хозяйствования. Формирования теоретических воззрений на структуру институциональных ограничений, которые наряду с прочими ограничениями, обоснованными в экономической теории определяли бы потенциальные возможности субъектов хозяйствования (политические или экономические) для максимизации благосостояния. Невзирая на всю очевидность такого утверждения, сущность реформирования изначально сводилась к установлению планов по реформированию и привычной для советской бюрократии ротации кадров, где каждый новый виток сопровождается новыми обещаниями, чередующимися с обвинениями в адрес предшественников.

В начале данной работы мы не случайно указали на необходимость комплексного рассмотрения процессов постсоциалистической трансформации. Комплексного - в смысле неразрывно связанного с пройденным путем социалистических преобразований, философией обоснования целей, искусством их согласования и инструментальной оптимизации, опирающихся на научное понимание основных взаимосвязей и закономерностей.

Октябрьский переворот продемонстрировал возможность коренных изменений всей структуры общественных отношений в отдельно взятой стране, избранной плацдармом мировой революции. Лидеры революции понимали, что сохранение и расширение власти⁴ требует не только формирования новых экономических стимулов, но и фундаментальных преобразований всей системы общественных отношений, которые не могли быть установлены демократическими способами. Формирование социалистического способа хозяйствования проходило путем установления «диктатуры пролетариата» как официальной политики вплоть до принятия Конституции СССР 1936 года. Обобществление средств производства и установление «всеобщей трудовой повинности» стали такими шагами, отход от которых в условиях демократии, по мнению самих лидеров коммунистического движения, вел бы к неслыханным насилиям над массами.⁵

Посткоммунистическая трансформация после стольких катастроф и неслыханных проявлений несправедливости над собственным народом, должна была рассматриваться как нечто большее, чем реструктуризация промышленности и перераспределение средств производства. Управленческая номенклатура⁶, представители которой в одночасье стали ведущими экспертами строительства капитализма в отдельно взятых республиках, как никто другой должны были понимать не только важность целостного рассмотрения трансформационной политики, но и учета компенсационных эффектов, связанных с издержками транс-

⁴ Согласно теории Гелбрейта - защитные и положительные функции.

⁵ В.И. Ленин «Грозная катастрофа и как с ней бороться» 1917г.

⁶ Номенклатура - ответственные работники, назначение на должность которых гласно или негласно производилось секретариатами правящей партии.

формации.

Учитывая значительный опыт в идеологическом обосновании строительства коммунизма, видение постсоциалистических преобразований теоретиками переходного периода не должно было ограничиваться исключительно экономическими реформами. Тем не менее, начавшиеся было демократические преобразования, рыночные реформаторы быстро свернули, отчасти из-за инертности бюрократической машины, но в большей степени из-за сомнений в результатах использования демократических инструментов в условиях отсутствия гражданского общества. Идеологи реформ 90-х справедливо опасались возврата к коммунистическому прошлому⁷, того, что устойчивость институтов патернализма в системе общественного выбора может отвергнуть предлагаемую модель политики переходного периода. Возможно, поэтому главные дискуссии велись не вокруг нормативной теории желаемой конституции экономико-политического строения общества⁸ и не о путях трансформации системы общественных отношений, а о скорости политики перехода к рынку и возможных ограничениях реализации политики либерализации в сжатые сроки.

Следует отдельно отметить, что фундаментальные обоснования таких ограничений не выходили за рамки сформулированных экономикой благосостояния теорий провалов

⁷ Наученные горьким опытом Хрущевской оттепели и развернувшегося за этим нового этапа холодной войны, политики развитого капитализма явно не желали вновь оказаться во власти кремлевских интриг и заговоров. Возможно, поэтому иностранные консультанты и советники так твердо настаивали на политике «Большого удара» (Big-Bang policy). Согласно бытующему мнению, молниеносная либерализация и приватизация сформирует частнособственнический интерес и кардинально изменит структуру экономических стимулов, сделав навсегда невозможным возврат к прошлому.

⁸ Интересным фактом является отсутствие сколь-нибудь четко сформулированной концепции целей перехода. Поиск в законодательных актах первых лет независимости не дает представления о нормативных принципах функционирования задекларированного демократического, социального и правового государства. Ни в самом Основном Законе Украины, ни в других законах и подзаконных актах нет объяснения принципам демократии, социальной справедливости и верховенства права, лежащим в основе любых общественных отношений.

рынка. А это, в свою очередь означало отсутствие аналитического внимания к традиционным порокам государства и тем перспективам, которые открывали методы и инструменты «Шоковой терапии» перед самими реформаторами. Традиционное для начала реформ представление об антикризисной политике укладывалось в 10 положениях Вашингтонского консенсуса, наиважнейшими среди которых считались либерализация и приватизация в условиях жестких ограничений денежной массы и фискальной дисциплины. Анализ реализации этих инструментов, как правило, проводился без учета возможности их использования в интересах государственного менеджмента и групп политического давления, а если институциональные факторы и принимались во внимание, то посредством прямого переложения базисных теорий и моделей, без тщательного исследования форм их проявления в конкретных условиях. Но что более важно, существующие институциональные концепции хоть и объясняли провалы государственного вмешательства, однако даже их использование не позволило сторонникам «градуализма» спрогнозировать масштабы надвигающейся катастрофы.

Дело в том, что теоретические дискуссии, которые велись вокруг самих положений Вашингтонского консенсуса и способов их прикладной реализации формировались на основании опыта антикризисного регулирования стран Латинской Америки. Однако институциональная специфика постсоветского пространства, которая своим содержанием отличает позитивные теоретические результаты от нормативных предписаний, была настолько своеобразной, что не укладывалась в рамки известных теоретизаций таких провалов государства, как ограниченность временных горизонтов и размытие властных полномочий правительства, политические бизнесциклы и поиск ренты, бюрократия и X-неэффективность.

Возможно поэтому, с первых шагов макроэкономическая стабилизация, либерализация и приватизация государственной собственности давали настолько противоречащие заявленным целям результаты. Шоковая терапия одномоментно обнажила все пороки централизованного управления экономикой, динамика конъюнктуры которой определяется не традиционными для мейнстрима безработицей и инфляцией, а колебаниями в потреблении (перепроизводством средств производства и дефицитом потребительских благ). Следует

также учитывать, что быстрая либерализация цен в условиях сохранения экономической власти в руках государственного менеджмента так и не сделала ее функционально зависимой от спроса и предложения. Цены на ресурсы и товары конечного потребления формировались не конкурентными рынками, а группами с особыми интересами, частными монополиями и распределительными коалициями. Результаты такого подхода не заставили себя долго ждать. Либерализация рынков при сохранении товарного дефицита и ценового диктата на рынках ресурсов привела к галопирующей инфляции, которая одновременно уничтожила сбережения населения, сместив главные политические акценты реформ на макроэкономическую стабилизацию.

Принципы прикладной реализации программ макроэкономической стабилизации формировались на основе опыта макроэкономической политики развитых капиталистических стран, что позволяло утверждать относительно оптимизированной структуры основных операционализированных показателей. Формализация технократических подходов не могла учитывать сформированной институциональной среды управленческого аппарата на постсоветском пространстве, что предопределило дальнейшую эволюцию рентоориентированного поведения и окончательное изменение функциональной роли приватизации, изменив функциональные приоритеты из целей формирования эффективных собственников на социально-политические инструментальные составляющие перераспределения богатства, усиление политической и экономической власти.

Главным методологическим противоречием теории и практики такого рода метаморфоз, остается вопрос распределения. Ведь по логике вещей, инфляция уничтожила номинальные активы, а физические, за вычетом износа, оставались неизменными. Для общества с легитимно закрепленными принципами всеобщего социального равенства, на момент начала постсоциалистической трансформации инфляция не имела бы абсолютно никаких перераспределительных последствий. Поэтому, говоря о первых шагах реформ, следует указывать на те административные и монетарные меры, которые посредством инфляционного налогообложения и сеньоража провели перераспределение номинальных активов в интересах субъектов принятия политических решений. Если к таким инструментам реформ, как замораживание сбережений, эмиссионное

обеспечение бюджетного финансирования, эмиссия государственного долга и политике процентных ставок добавить ценовое регулирование рынка ресурсов, валютных курсов, административное и бюджетное регулирование импорта, то можно было бы связать во едино методы получения доступа к собственности – реальным физическим активам. Однако вопреки сложившемуся мнению, ни крупномасштабное перераспределение номинальных активов, ни политическое влияние на процессы рыночного взаимодействия не стали фактором сколь-нибудь эффективной реструктуризации производства.

Более того, даже экономическая власть, которая выражается в терминах доступа к собственности, не смогла стать главенствующим мотивом конкуренции. Борьба за политическое влияние, властные полномочия сформировала новый тип инвестиционной деятельности – политическое предпринимательство. Таким образом, к началу двухтысячных экономическая система получила импульс не в виде кардинального рыночного изменения принципов общественного взаимодействия (формирование свободной конкуренции, частной собственности и свободы), а в виде конкуренции за политическую власть, которая требовала значительных финансовых ресурсов.

Формирование отечественной плутократической модели экономического развития не было подчинено спонтанным силам естественного поведения экономической системы. Ценности максимизации благосостояния групп с особыми интересами за счет бедных и наименее беднейших слоев общества закладывались в целевую функцию неявно, путем подмены таких фундаментальных составляющих как свобода, эффективность равенство и справедливость.

Одной из наибольших проблем постсоциалистической трансформации являлось становление демократических норм, представление о которых у большинства населения происходило из средств массовой пропаганды. Смещение демократических приоритетов к представлению интересов реципиентов государственных расходов уничтожает экономическую основу демократии как политической формы обеспечения гражданских свобод общества. «Представительная демократия не может существовать, если значительная часть избирателей получает плату от государства. Если члены парламента считают себя уже не доверенными лицами налогоплательщиков, а представителями тех, кто получает жалованье, за-

работную плату, субсидии, пособия по безработице и другие доходы от министерства финансов и государственного казначейства, демократии приходит конец» [8]. Наделенные властью лица начинают отождествлять себя не с менеджерами и исполнителями, а с представителями левиафана, вершителями судеб, знающими и осведомленными лучше самих избирателей об их потребностях и интересах. Подобные проявления будут особо пагубными в трансформационных обществах из-за укоренившегося идеологического постулата общественного иждивенчества на мощных плечах государственной (бюрократической, партийно-номенклатурной и т.п.) экономической машины, ставшего фундаментом общественно-политической пропаганды.

Отсутствие концептуального видения целей, методов и инструментов постсоциалистической трансформации, формировало спрос на футурологические теории, в радужных красках описывающие ближайшие и отдаленные перспективы экономического развития. Столь часто повторяющиеся слова «подъем» и «рост» в теоретических работах вплоть до 1997-1998 годов на самом деле могли иметь под собой только единственное реальное обоснование – приближающееся дно катастрофического падения производства, а вместе с ним и социального падения. Постепенно стирая рамки дозволенного, украинское общество начало свой путь деградации. Более двадцати лет, ежедневно государственные и приватизированные каналы общественного телевидения формируют новую начисто лишенную ценностей созидания мораль, утверждая ценность институтов вседозволенности, необходимость передачи в частные руки государственных монополий, и неизбежности глубокой дифференциации доходов населения. Планомерное разрушение нравственных барьеров в угоду симпатий большинства избирателей, достаточно быстро заставило многих людей усомниться в ценности демократических инструментов правления.

Годы замешательства и десятилетие новой волны идеологизации научного познания не повлияли на перманентные методологические попытки уложить трансформационный путь в узкие рамки политических временных горизонтов, в которых проблема формирования фундаментальных институтов рынка отодвигалась на задний план, а понятие институциональной инфраструктуры было настолько искажено и выхолощено, что потеряло всяче-

ское прикладное значение. Текущая ситуация в экономической системе Украины никогда не являлась результатом рыночной трансформации, напротив, институциональная структура имела все признаки, характерные эпохе социализма, приспособившиеся в процессе эволюции к новым политическим условиям. В обществе со сломанными традициями, где напрочь отсутствуют абсолютные ценностные идеалы, методы и инструменты реализации защитных целей власти получали безграничные возможности. Логроллинг, лоббизм, политическое предпринимательство – все эти инструменты обретали новые содержательные формы на постсоветском пространстве, впитав в себя этос и традиции без малого четырех поколений псевдодемократических революций.

Теория власти Гелбрейта достаточно четко описывает формирование ее целевой функции, но абстрагирована от фактора времени. В условиях безграничных временных горизонтов защитные и положительные цели будут выглядеть действительно как циклическое формирование экономических предпосылок, расширяющих политическое влияние. Но если принять во внимание сравнительно быструю смену политических элит, отсутствие четкой спецификации и закрепления прав собственности, то поведение инвесторов в целом должно напоминать принцип финансовых пирамид, когда доходность инвестиций будет определяться не рентабельностью производства, а самовозрастающей стоимостью активов. Оживление деловой активности в сфере политического предпринимательства увеличивало степень уверенности в бесконечно возрастающей ценности таких инвестиций, оценка рисков приобретала оптимистические значения, а трансформация обеспеченного финансирования⁹ политического предпринимательства проходила этапы спекулятивного и Понци-финансирования.

Финансирование и финансовое обеспечение являются крайне важными элементами любой политической борьбы, а их возможности напрямую зависят от наличия финансовых ресурсов в руках групп с особыми интересами, тесно связанными с властными кругами, а также групп экономического и политического давления, способных финансово обеспечить принятие благоприятных решений субъектами

⁹ Речь идет прежде всего об обеспечении объектами государственной собственности, доступ к которой открывала политическая власть.

политических рынков. И если проанализировать первые этапы реформ, то мы увидим, что отсутствие реальных финансовых институтов компенсировалось манипуляциями с государственными активами, как единственного источника финансовых ресурсов в руках государственного менеджмента. В результате перераспределения номинальных активов в экономике сформировался свой масштаб цен, где стоимость реальных активов значительно превышала их цену. Тем не менее, передача большинства имущественных объектов в частные руки проводилась по символическим ценам, что вызвало тенденции роста числа спекулятивных собственников и обеспечило высокую прибыльность инвестиций в политическое лоббирование доступа к общественной собственности. В отличие от устоявшейся системы, в условиях быстрых перемен и нестабильности не могло быть и речи о поиске наиболее выгодных способов эксплуатации объектов собственности. Главным критерием выступали ликвидность и доходность активов, возможность получения спекулятивной прибыли для быстрого реинвестирования в новые объекты приватизации, роста и укрепления распределительных коалиций. Всё это усилило политическую борьбу, конкуренцию за доступ к собственности, отвлека и без того незначительные ресурсы от действительных экономических целей.

Становление распределительных коалиций и завершение этапа перераспределения национального богатства трансформировали целевые приоритеты специфических групп давления на сохранение итогов приватизации и включение в борьбу за распределение доходов. Как было отмечено выше, источником ресурсов, вкладываемых в политическое предпринимательство, выступали физические активы государства, низкий, по сравнению с политическим предпринимательством, уровень рентабельности которых и предопределил их практически полную потерю в дальнейшем.¹⁰ Усугубляющие факторы и без того тяжелого положения страны, привели к сочетанию спада и инфляции, которые по своим негативным па-

раметрам выходят далеко за рамки известных мировой практике уровней «стагфляции». Постсоциалистическая депрессия по своим масштабам куда более тяжелая, чем Великая депрессия 30-х годов, а по своим последствиям для Украины может стать сопоставимой с результатами Второй мировой.

Следует особо подчеркнуть, что рост неравенства и дифференциации доходов населения, произошедший в результате политического влияния на систему перераспределения доходов и богатства, обуславливает высокую степень поляризации приоритетов в обществе и, как следствие, чрезмерную политическую нестабильность. Это, в свою очередь, снижает ценность активов политической власти и требует дополнительных средств на нивелирование социальных противоречий.¹¹ Политические обещания как инструмент развития политического предпринимательства уже сами по себе требовали поиска средств быстрого решения накопившихся проблем трансформационного периода, и прежде всего – проблем бедности. Расходы росли настолько стремительно, а регуляторная система стала настолько осложнена привилегиями для различных групп и распределительных коалиций, что налоги и сборы уже не успевали надлежащим образом их покрывать.

Страна жила не по средствам. Обеспеченное финансирование постепенно сменяло спекулятивное – когда внутренних доходов страны едва хватало на уплату политических дивидендов распределительным коалициям, а большинство долгосрочных проектов финансировались за счет краткосрочных кредитов. «Кредит любой ценой» – можно назвать политическим лозунгом середины-конца первого десятилетия двухтысячных. За неимением фундаментальных программ и сколь-нибудь последовательной политики, общество и ме-

¹⁰ Неудивительно, что потери промышленного потенциала именно в начальный период приватизации составили около 50%. Иными словами, часть имущества, созданного и накопленного в условиях крайней несправедливости социалистического способа хозяйствования, было продано гарантами светлого будущего коммунизма по цене металлолома.

¹¹ Говоря о средствах, следует учитывать не только финансовые ресурсы, но и политические, такие как отстранение реальных по содержанию, а не по форме, профсоюзных организаций от политической борьбы, политическое отстранение оппонентов от конкуренции за власть, иммунитет к политической ответственности и т.п. В этой связи, достаточно красноречивым является факт так называемого «Луганского побоища» 1998 года, когда сама попытка формирования профсоюзного движения горняков была пресечена силами ОМОН во время мирного пикета с требованием выплаты задолженностей по зарплате перед зданием луганской облгосадминистрации.

неджмент стали вести себя так, словно был найден неисчерпаемый источник богатства. Правительства не только сами прибегали к заимствованиям, но и способствовали распространению подобной поведенческой модели в планах ведения бизнеса и бюджетов домашних хозяйств.

С момента освоения иностранным банковским капиталом национального рынка Украины в 1995 году до начала Великой рецессии спектр банковских услуг практически полностью был сведен к ростовщичеству, залоговому и хищническому кредитованию. Секьюритизация или конвертация выданных банковских ссуд в ценные бумаги, манипуляции с банковскими рейтингами и кредитные линии также не способствовали развитию наиболее выгодных с общественной точки зрения предприятий и отраслей реального сектора. Но наибольший удар был нанесен в 2008 году, когда бремя ответственности за безрассудство финансовых институтов было возложено на налогоплательщиков. При этом крупные инвесторы банков добились невиданных привилегий корпоративного социального страхования.

Обострение политической конкуренции и учащение бифуркаций на политических рынках обусловило увеличение рисков и соответствующую краткосрочность временных горизонтов групп, контролирующих государственный менеджмент. Интересы группового контроля расходов государственного сектора, сменили интересы получения полного контроля над самим госсектором вплоть до политического диктата и возможности распоряжения остатками государственного имущества в виде стратегических предприятий и отраслей. При этом важной составляющей поведения элит стала возможность получения выгод от объектов государственной собственности, не обременяя себя ответственностью и издержками.¹²

¹² В 1989 году в своей фундаментальной работе «Экономическое поведение и институты» Т.Эгертссон пишет, что когда высокие транзакционные издержки находятся в тени, антигосударственные структуры формируют такую систему прав собственности, которая сможет способствовать их выходу из тени. Когда же эти структуры достаточно окрепнут, «выйдя на свет Божий, могут вызвать гражданскую войну, если государство не капитулирует без боя». Взяв верх над самим государством, «вчерашние преступники становятся политическими лидерами, а их организация – легитимным государством». См.: Эгертссон Т. Эконо-

Потоки заемных средств, безусловно, оживили экономику, но это оживление, подпиремое пузырем политического предпринимательства и чрезмерно большими заимствованиями, закончилось. Сегодня наступил самый короткий и самый разрушительный этап политического бизнесцикла – этап Понци-финансирования. Этап, когда главные инвесторы занялись реализацией политических активов, спекулируя на идеалах и втягивая страну в непосильные долги. И произошло это задолго до событий на Майдане в декабре 2013 года. Сегодняшние события в Украине почти наверняка ускорили приближение социально-экономических катаклизмов, но хочу отдельно отметить, что они лишь открыто показали то, о чем мы – экономисты не знали, не хотели или боялись говорить открыто.¹³

И вот сегодня, когда пузырь прорвало, можно с достаточно большой долей вероятности прогнозировать, что вместо реализации шагов спасения реальной экономики будут предприниматься попытки по реанимации былых схем кредитования политического рынка, а расплачиваться за 23 года удовольствия предложат налогоплательщикам, которые не имели ни малейшего отношения к расточительным заимствованиям.

Единственно разумное решение выхода из кризиса внешнего долга – предложение мировому финансовому сообществу реструктурировать внешний долг Украины, возникший в период ее независимости за счет физических и номинальных активов лиц, наделенных законодательной либо исполнительной властью в данный период. Призыв выполнять национальные законодательства по борьбе с коррупцией, благоприятствовал бы разрешению вопросов и споров, связанных с оффшорными бизнес-схемами.

Литература

1. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики; Расчет согласия; Границы
2. Гесць В.М. Інноваційний шлях ро-

мическое поведение и институты. – М., 2001. – С. 50.

¹³ В этой связи, мне вспоминается одно из решений 2010 года редакционной коллегии ведущего журнала Украины о том, что проблема приватизации на сегодня не актуальна и журнал печатать работу не будет.

- звитку та економічне зростання // Інноваційна Україна: Наук. зб. – 2005. – Вип. 7. – С. 38–42
3. Дементьев В.В. Институты, поведение, власть. – Донецк: ДонНТУ, 2012
 4. Институциональные проблемы эффективного государства / Под. ред. В.В. Дементьева, Р.М. Нуреева. – Донецк: ДонНТУ, 2012
 5. Клейн Л., Что мы, экономисты, знаем о переходе к рыночной системе? // Реформы глазами американских и российских ученых. – М.: Российский экономический журнал. – фонд «За экономическую грамотность», 1996.
 6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. – М., 1970.
 7. Людвиг фон Мизес Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. – М.: "Дело" при участии изд-ва "Catallaxy", 1993
 8. Людвиг фон Мизес Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – Челябинск: Социум, 2005.
 9. Малый И., Галабурда Н. Экономическая наука: проблемы осознания методологии// Экономика Украины. – 2006. – № 9(538). – С. 45 - 55.
 10. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений / Пер. с англ. – М.: Дело, 2002.
 11. Постсоветский институционализм / Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. – Донецк: Каштан, 2005.
 12. Sappington, David, and Joseph E. Stiglitz. 1987. "Privatization, Information and Incentives." *Journal of Policy Analysis and Management* 6(4): 567–82.
 13. Stiglitz J. Whither Reform? Ten Years of Transition. Washington, 1999. DC: The World Bank.
 14. Stiglitz Joseph E. Knowledge for Development Economic Science. Economic Policy and Economic Advice Annual World Bank Conference on Development Economics. Washington, D.C., April 20–21, 1998.
 15. Hettich W., Winer S.L. Economic Efficiency, Political Institutions and Policy Analysis // *Kyklos*. 1993. V. 46. N 1. P. 3-25.
 16. Эволюционная экономика и "мэйнстрим". – М.: Наука, 2000.
 17. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. – М., 2001.

Статья поступила в редакцию 25.02.2014